

Владимир Губа и его «Ворон»

Аналитическое эссе

Наша первая встреча с Володей случилась как раз на его творческом вечере в ЛИТО «Этнос». Там, как гром среди ясного неба, прозвучал его «ВОРОН». Для меня это стихотворение стало настоящим открытием. И, конечно, мне сразу стал понятен и литературный профиль поэта, и его интеллектуальный багаж, и личностный эмоциональный почерк. Переключка с Эдгаром По не вызывала сомнений. Выдавало её не только название «Ворон», но и эпитафия:

*Как ты звался, гордый Ворон,
там, где ночь царит всегда!
Молвил Ворон: «Никогда». (Э. По)*

Да и реминисценция литературного героя (далее ЛГ) прозвучала у Губы совершенно отчетливо:

*Я вспомнил жуткий «Nevermor»
у сумасшедшего Эдгара.*

Конечно, блистательная поэма американского писателя – это неоспоримая классика. Тем, кто знаком с «Вороном» Эдгара Аллана По в переводе К. Бальмонта или М. Зенкевича, понятно, что именно на этой чудесной основе родилось стихотворение Владимира Губы. Возможно, некорректно сравнивать произведения данных авторов. Но это всего лишь попытка анализа, не претендующая на строгий критический разбор. Мне хочется показать, в чём, собственно, сходство и отличия данных стихов.

Обращает на себя внимание выбор названия стиха, у обоих авторов оно одинаковое – «Ворон», поскольку и у одного, и

другого одним из действующих персонажей является этот предвестник несчастья. Собственно, в их произведениях по два главных героя – это мужчина и птица.

Несмотря на некоторую схожесть, по структуре и сюжету эти произведения сильно отличаются. Стихотворение Эдгара По более сложное и объёмное как по форме, так и по содержанию. Для своей поэмы он использовал – восьмистопный хорей, в то время как у Владимира Губы взят за основу четырёхстопный ямб. Всего у По в стихотворении 18 строф, у Губы – 12. Кстати, и сами строфы у них разнятся по количеству строк. У Эдгара – это шестистишия, у Губы – четверостишия. Что сближает их произведения, так это чередования мужских и женских рифм. Но аура этих стихов различна – стихотворение у По звучит трагедийно, у Губы – драматично.

Теперь о сюжете. В оригинальном стихотворении Эдгара По потрясает сам разговор с Вороном. В нём главный герой, переживая потерю любимой девушки Линоры, задаёт различные вопросы внезапно залетевшему ворону, но всегда получает от него один и тот же неутешительный ответ: «Невермор», что означает – «Никогда больше». Это слово неумолимо и обречённо звучит рефреном в поэме. У Владимира подобный рефрен отсутствует.

У Володи, как и в поэме американского писателя, Ворон тоже прилетел ночью. Он пишет: «Услышал я ночное – «карр...» Однако сам вид ворона у них различен.

У По – Ворон чёрный. А у Губы...

*Мой ворон был совсем седой,
По-мефистофельски красивый...*

Седина птицы намекает на то, что, возможно, это тот же самый чёрный вестник, который посещал когда-то и Эдгара Алана По, но который со временем поседел и научился раз-

говаривать на разных языках. Кстати, в реальности ворон относится к говорящим птицам. Известно, что поэма Эдгара По была опубликована в 1845 году. И если считать его Ворона обычной птицей, то теоретически прилёт данного персонажа к современнику вполне возможен, ведь согласно поверью – ворон живёт по 300 лет. Естественно, на самом деле птицы столь долго не живут. Ну а если Ворон – это сам демон в облике птицы, то вопрос о возрасте вообще отпадает.

Надо отметить, что и взглядами оба Ворона диаметрально различаются. У По – это птица со жгучим взглядом. У Володи Ворон имеет холодный взгляд, у которого только единственный раз «в глазах оттаяла слюда...»

Если в стихотворении у Эдгара По звучат вопросы, то у Губы – желания. При этом ответ Ворона Эдгара По краток, он обходится единственным мрачным словом «Невермор», а у Губы Ворон вступает в диалог с ЛГ. Следует отметить, что лексически Ворон Владимира более богат и разнообразен, так как способен говорить на двух языках – на человеческом и на птичьем. Похоже, ЛГ вполне понимает птичью речь, возможно, интонационно либо на уровне интуиции. Ведь если в начале встречи ЛГ переводит его многозначительное «карр», как «здрате», то в конце как «спятил».

Вся атмосфера стихотворения у Эдгара пропитана страхом, в нём царит зловещая мистика, гнетущая смертельная тоска ЛГ по умершей возлюбленной. В стихотворении Владимира никто не умирает, но драматизма от этого не меньше. Почему же оба автора обратились к этой тяжёлой теме? Что это – буйная фантазия, ночной кошмар, а может, белая горячка? Если учесть, что они оба славились пристрастием к алкогольным напиткам, не мудрено им было и допиться до разговоров с нечистой силой, то бишь – «до чёртиков». Но не нам их судить, тем более осуждать. Бог с ними.

Однако если стихи Э. По наполнены меланхолией, обречённостью и скорбью, то стихи Губы наоборот – энергичны, напористы, ироничны. В его версии совершенно другие ситуативные и эмоциональные акценты. Стихотворение читается на одном дыхании, поскольку читателя завораживает свежая новорождённая интрига, вплетённая в мозаику нескольких тем, ведь у Володи в стихотворении спаяны воедино политика и любовь, сказка (про три желания) и мистика (с её мефистофельским вороном).

Манера ведения диалога с вестником несчастья у авторов тоже различается. Если у Эдгара ворон монотонно бесстрастен, то состояние Ворона у Губы изменчиво, он проявляет скверный характер – сначала учтиво здоровается и обещает исполнить три желания. Но по ходу разговора то обижается, то сердится, то приказывает, а то теплеет... Зато под занавес оскорбительно хохочет. Если ворон Эдгара сразу отбирал у ЛГ всякую надежду на счастливый исход, то Ворон Владимира любезно пообещал исполнить «три самых лакомых желанья» главного героя – для страны, для возлюбленной, для себя.

*По сходной, в общем-то, цене –
То ль от души, то ль за страданья –
он обещал исполнить мне
три самых лакомых желанья.*

Автор намекает здесь на какие-то перенесённые в жизни страдания и мечтает о вознаграждении. Однако не открывает, насколько высока цена сбычи его мечт... И насколько для него цена сходная? Уж не о залоге ли души речь... Итак, чего же конкретно ЛГ просит у ворона?

В первую очередь – смены политического режима для своей страны:

*Ты бы Отечество мне спас
От душной лапы коммунистов.*

Но в ответ Ворон...

*Сказал – не утомляй напрасно!
Ты что не знаешь? мы родня,
мы дети ада, чёрный с красным.*

Здесь уже явственно слышны прямые ассоциации Ворона с демоном. У Губы Ворон не просто «по-мефистофельски красивый», автор прямо говорит, что Ворон – «дитя ада» и называет его «залётным Асмодеем». Даже вороний смех автор характеризует, как «адский вар». Что же кроется за словосочетанием «чёрный с красным»? Похоже, Ворон указывает на родственные узы Мефистофеля и красного режима, которые (по мнению ЛГ) сродни союзу кипящей чёрной смолы с адским огнем. Однако давайте оставим в покое политическую составляющую стихотворения, тем паче, что партийные взгляды персонажа и автора не обязательно идентичны.

Во вторую очередь, ЛГ просит у ворона для своей любимой «счастливую накаркать долю». И в этот момент читатель узнаёт кое-что о его личной жизни, а именно – ЛГ влюблён и желает счастья своей избраннице. Но что означает слово «доля» в данном контексте? Доля – это участь, судьба или часть чего-то? Ворон согласился исполнить второе желание, особенно узнав, что возлюбленная ЛГ молода. С точки зрения Ворона, молодость уже сама по себе расценивается как счастливая доля жизни.

*В глазах оттаяла слюда –
ему понравилось такое,
спросил лишь только – молода?
Тогда несложно – будь спокоен!*

Всё туже закручивая сюжетную пружину, автор словно проводит ЛГ через все круги ада.

*И я пошёл на третий круг,
от прошлой осмелев удачи...*

И вот только в третью, в последнюю очередь, ЛГ решился попросить кое-что и для себя лично. Вы думаете – счастья? Нет. Взаимности? Нет.

*Ты сделай так, мой чёрный друг,
Чтоб для нее я что-то значил.*

Теперь мы понимаем, какова его избранница... Любимая. Но не любящая. ЛГ даже не смеет мечтать, чтобы стать для неё кем-то значимым: супругом, возлюбленным или другом. Ему хочется стать для неё хотя бы чуть нужным или едва заметным, чтобы хоть как-то благодаря этому прикоснуться к предмету своего обожания. Однако

*Вороний смех, как адский вар,
вплевался в уши так некстати.
Он мне сказал, прощаясь – «карр»,
что в переводе значит – «спятил».*

Вороний смех – это адский оглушающий плевок не только в уши, но и в душу ЛГ. Даже такой малости влюблённый, оказывается, не заслуживает. И читателя потрясает эмоциональный накал стихотворения, поскольку великое чувство любви и великая несправедливость соперничают по мощи энергетического заряда.

Без исполнения первого и второго желания ЛГ не мыслит счастья. Но отказ Ворона исполнить третье желание – просто убивает. Автор мастерски ведёт читателя к наивысшей точке произведения, к вершине, за которой – пропасть. И это по смыслу напоминает беспощадный, уничтожающий ответ Ворона Эдгара По «Невермор». Никогда. Но данный

ответ чёрного вестника не просто уничтожающ, он к тому же уничтожающе насмешлив. Мол, не по Сеньке шапка. Ворон принимает ЛГ за душевнобольного, а его просьбу – за бред сумасшедшего. Пропасть между запросом и возможностью настолько глубока, что даже это мизерное желание ЛГ чудовищно невозможно. И поэтому оно кажется Ворону чудовищно смехотворным. Его ответ категоричен: «спятил». Этот глагол – убийственный выстрел в ЛГ. Ибо это смерть мечты. Смерть «надежды на счастье». Вот так недолго у него побывали.

*В руках – как три богатыря –
три верных и небитых карты...*

В этой карточной игре ЛГ остался без козырей и проиграл. Все карты главного героя оказались биты, поскольку даже в обещанной счастливой доле возлюбленной – ему нет места. Ибо эту долю ему разделить с ней не суждено. С крахом надежд произошло, похоже, и обнуление веры в могущество демона.

Произведение «Ворон», на мой взгляд, это – визитная карточка Владимира Губы. И моё любимое стихотворение. Живое, искромётное, драматичное. Надо было видеть и слышать артистичное исполнение «Ворона» самим автором! Особенно когда он был в ударе. Так, как читал он, с массой оригинальных эмоций, артистических интонаций и новаций не прочтает Ворона больше уже никто. Энергия слова – вот движущая сила его поэзии. Плюс живая мимика и неповторимая нервная жестикуляция! Эту подвижность трудно себе представить, невозможно повторить и передать. Он мог быть одновременно и возвышенно патетичен, и бесшабашно ироничен. Уж такой это был поэт, артист и шутник. Он каждое своё стихотворение превращал в маленький спектакль.

Грамотно расставляя акценты, он достигал необычайного эффекта: то отчаянно рубил с плеча, то хитро заинтриговывал. Кстати, последнюю строку Ворона он особенно выделял: «Он мне сказал, прощаясь – «карр», что в переводе значит...» Здесь Владимир всегда делал небольшую паузу. И зал замирал. А у заинтригованного зрителя в это время в голове проносилось куча вопросов. Ведь такое же «карр» Ворон сказал при встрече! И тогда это значило «здрасте». Так что? Говорящий Ворон ошибся? И это уже смешно. По логике «карр» должно означать – пока, до свидания или прощай. Впрочем, насмешливое «здрасте» типа «здра-асте вам» в этой ситуации тоже бы сработало. Ворон мог сказать просто «нет». Но автор поднялся до абсурдности перевода и заменил отказ шутейно-убийственным словом «спятил». И не ради рифмы.

Так чем же меня так зацепил Володин Ворон, чем он так притягателен? Конечно, перекличкой с Эдгаром По. Но не менее пленяет и удивляет авторская переработка известного сюжета. Логика повествования прерывается неожиданной, убийственной кодой. Стихотворение, как добротное здание, издавлек легко воспринимается целиком, но так хочется подойти поближе, разложить его на кирпичики, чтобы понять, в чём его красота и сила? Всё в Вороне вызывает интерес, особенно – образы. Вот вы, например, заметили двойной смысл выражения, такого, как «чёрный друг»? Что значит «чёрный»? Цвет былого оперенья? Или характеристика персонажа – злой, траурный, мефистофельский? «Чёрный друг» – это вообще оксюморон, типа «горячий снег» или «живой труп». А как вам выражение «счастливую накаркать долю»? Конечно, Ворон у Губы пророчествует, каркая. Но ведь накаркать можно только беду! И вот эта парадоксальность образов и суждений, аллюзии и каламбуры автора рождают ту удиви-

тельную магию слов, которая переворачивает мир в нашем устоявшемся сознании. Меня необыкновенно волнует эта невозможная смесь иронии и драмы. Автор профессионально не только смешал эти два компонента, как масло и воду, но и энергично взбил их в своём поэтическом миксере, получив волшебную литературную эмульсию. Когда Владимир Губа читал своего Ворона, очарованный зал внимал автору, сочувствовал ЛГ, смеялся над переводом слова «карр».

Стихотворение у Губы, как и у Эдгара По, написано от первого лица. Но кто это лицо – литературный персонаж или сам автор? Что можно сказать о главном герое произведения? Какой он? Это не юноша, но мужчина, который «еще не безнадежно стар». Складывается впечатление, что он одинок и несчастен, ведь он живёт всё «еще с надеждою на счастье» и рядом с ним нет ни одной живой души. Да и само описание жилища, как «бытовая малость», отсутствует. При ночном визите Ворона ЛГ сразу вспоминает залётного персонажа По, что говорит о том, что главный герой образован, начитан и знает труды «сумасшедшего Эдгара». А то, что он «с детства на сравненья скор», свидетельствует о понимании им разницы между эпитетом и метафорой. Вся его колоритная образная речь выдаёт в нём поэта. При этом главный герой – патристичен, поскольку беспокоится об Отечестве, и благороден, поскольку озабочен счастьем возлюбленной. Мне кажется, перед нами настоящий литературный автопортрет самого Владимира Губы, неудовлетворённого мироустройством и личной жизнью. И, тем не менее, это портрет человека окрылённого, неутомимого фантазёра и поэта, верящего не только в Бога, (ведь если есть демон – есть и Бог), но и в мистику, и в сказки. И это портрет человека благодарного, посылающего в прошлое пламенный привет и литературный поклон спустя полтора века своему знаменитому предшественнику..